

№ 39. (ДОБРЫНЯ И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ)

Во стольнем во городи да в Києви,
Да у ласкового князя у Владимира
Был заведен почёстный пир.
Были собраны князи и бо́яры.

5. Сильнии могутии богатыри,
Тыи купчи да именитыи,
Поляницы да удалыи.
Вси да на пиру да наедались,
Вси да на пиру да напивались.
10. А говорит солнышко Владимир да стольнѣ — киевсьской:
— «Кого же нам послать, да не послать
Да во землю сороцинскую?»
Больший тулѣется за среднего,
Средний тулѣется за меньшего,
15. А от меньшого тудецьки ответу нет.
Говорит же старый казак да Илья Муромецъ:
— «Ай же ты, солнышко Владимир — князь да
 стольнѣ — киевсьской,
Послать да не послать нам Василья Казимѣрова.
Он бывал да во многѣх земляхъ,
20. Во многѣх земляхъ да во многѣх ордахъ,
Умеет он да разговарить.»
Выходит Василий Казимѣровицъ
Из — за того стола, из — за окольного,
Выходит на палату да белокаменну.
25. — «Ай же солнышко Владимир — князь стольнѣ — киевсьской,
Дай же мне второго товарища,
Того же мѡлода Добрынюшку Микитиця.»
Выходит Добрынюшка Микитинецъ
Из — за того стола да з — за большаго,
30. Пошел по палаты белокаменной.
— «Ай же ты, солнышко Владимир, стольнѣ — киевськой,

Дай же мни третьаго товарища,
Того же Иванушку Дубровина.»
Выходит Иванушка Дубровицъ з — за того стола со среднего.
35. Пошел по новой горенке прохаживать.
— «Ай же вы, братица крестовыи,
Откуда будем отправлятисе?»

- Тут оны крестамы да побраталисе.
А говорит Васильюшка Казімеров:
40. — «Будем справлятисе во чистом полі,
Во чистом полі, да во Фавор—горы,
У того камня у Латыря,
У черного у дуба да Ливина,
У того креста да Леванидова.»
45. Тут оны да распростилисе.
Поразъехались оны да по своим домам.
Приезжает Добрынюшка Микитинецъ
Во свой да во высок терем.
— «Ай же ты, родительница матушка,
50. Честна вдова Офимья Олѣксандровна!
Дай—ко мне прощеньице—благословеньице
Съездить во землю сороциньскую,
Отвезти да дани—пошлины
Да за двенадцать лет да с половиною,
55. Отвезти двенадцать белых лебедей,
Отвезти двенадцать речетей.»
Тут честна вдова да Офимья Олѣксандровна да
порасплакалась:
— «Ай же ты, дитятко рожоное,
Хоть дать прощеньица, хоть прощеньица не дать,
60. Все одно — лучше дать.»
Да дала ему прощеньица да дала ему благословеньица.
Отправляется Добрынюшка Микитинецъ
Во путь да во дороженьку,
Приезжает да во цисто полі,
65. Во цисто полѣ да во Фофур—гора,
Ко тому ко камению ко Латырю,
Ко черному дубу ко Ливину,
Ко тому кресту да Леванидову.
Стоят два коня да богатырьские,
70. Эти кони да братьцев крестовых.
Насыпает пшены да белояровой,
Заходит—то он да во белой шатёр.
— «Здравствуйте, братица крестовый,
Васильюшка Казімеров да Иванушка Дубровиниц!»
75. А тут оны в дорогу отправлялись,
Отправлялись в землю Сараціньскую,
Приезжают оны в землю Сараціньскую,

К тому Ботыя́ну Ботыя́нову,
И к тому оны на широкий двор.
80. Вязут они коней к столбику тоцёному,
Ко тому колецьку золоцёному.
Идут оны во гридню столовую,

209

- Крест кладут по писа́ному,
Поклон ведут да по уцёному,
85. На вси да на цетыри стороны да поклоняются.
— «Здравстуй, Ботия́н да Ботия́нович!»
— «А здравствуйте — ко, уда́лы до́бры мо́лодцы,
Да вы коёй земли, да вы коёй орды?
Вы коёго отца — матери?»
90. — «Есть мы из города из Киева,
Да из Киева да киевски богатыри.
Привезли мы теби да дани — пошлины,
Да за двенадцать лет да с половиною,
Привезли двенадцать белых ле́бедей,
95. Привезли двенадцать кречетей.»
Зачал Ботия́н да Ботия́нович
Гостей потчивать, принимать.
Накормил, напоил, насочил,
Говорит Василью Казимéровицу:
100. — «Не угодно ль сыграть во доски шахма́тныи,
В тьи тавлеи́ золоцёныи?»
Говорит Василий Казимéрович:
— «Да вот, — говорит, — Ботия́н да Ботия́нович,
У меня игроки остались во городе во Киеви.
105. А надеюсь я на спаса пречистого,
А на матушку пресвятую на богородицу,
А надеюсь я на братца крестового,
На того мо́лода Добрынюшку Микитиця.»
Сели они играть в доски шахматныи.
110. Заложил же Ботия́н да Ботия́нович,
Заложил он царьсва Ботия́ньского, —
Он заложил братьця крестового коня.
Первый раз ступил — не до́ступил,
Второй раз ступил — перéступил,
115. Третий раз ступил — проиграл коня братьця крестового.
Второй раз они сыграли.
Он опять заложил царьсво королевськое.

Он заложил другого коня братца крестового.
Первый раз ступил — не дóступил,
120. Другой раз ступил — перéступил,
Третий раз ступил — проиграл и другого коня братця
крестового.

Опять оны сыграли.
Заложил он свою да буйну голову.
Первый раз ступил — не дóступил,
125. Второй раз ступил — перéступил,
Третий раз ступил — выиграл свою да буйну голову.
(Он его сперва вваживал играть)
Выиграл и королевсьво Ботия́нское.
Опять оны сыграли.

А он залагает уж коня братца крестового,
130. А тот деньгамы залагал.
Первый раз ступил — не дóступил,
Второй раз ступил — перéступил.

210

Третий раз ступил — выиграл братцева коня назад.
Еще раз сыграли оны.
135. Первый раз ступил — не дóступил,
Другой раз ступил — перéступил,
Выиграл и другого коня.
Опять оны сыграли.
Первый раз ступил — не дóступил.
140. Другой раз ступил — перéступил,
Третий раз ступил — выиграл второго коня назад.
Говорит — же Ботия́н да Ботия́нович:
— «Не угодно — ли, да Василий Казимéрович,
Стрелить да за семьсот шагов мерных?»
145. — «Вот не знал я вашей забавушки!
Таковы́и стрелыцы остались в городе во Киеве.
Понадеялся на одного — то ведь товарища, на Добрынюшку
Микитиця.»

Принесли ёму́ луцёнышко.
Он луцёнышко взял в руки, —
150. Тетивки прервал и лук выломал.
— «Что вы, смеетесь, какой вы мне лук дали?»
Подали ему второй лук.
А он взял в руки, а лук выломал.
— «Что — же вы, смеетесь надо мной?» — говорит.

155. Разъярился Ботия́н да Ботия́нович:
— «Принести, — говорит, — ту́гой лук разрывчатый
На двенадцати подводах турецьких.»
Он взял лук, взял в руки.
Тети́вочку пе́рервал, лук весь при́ломал в руках.
160. — «Ай же Иванушка Дуброви́ць,
Сбегай—ка, Иванушка, на посольной двор,
У моего добра́ коня отвяжи луце́нко дорожное.»
Сбегал Иванушка на посольной двор.
Принёс ту́гой лук разрывчатой, —
165. Того не лома́т в руках.
Стрелил Ботия́н да Ботия́нович,
Не то что в колечко — в щит попасть не мог.
Добрынюшка как стрелил в колечко, — в серединку со́моё,
Перерубил — что та половинка, что дру́гая.
170. Сви́сили на весах — одинаково.
Говорит—то Ботия́н Ботия́нович:
— «Ай Василий да Казі́миров,
Не угодно—ли сходить да на широкой двор
Рукопашною да поборотисе?»
175. — «Не знал я вашей забавушки!
Таковы борьцы оставлены в городе Киеве.
Надеюсь я на спаса, на пречистую богородицу,
На сво́его товарища, на молодá Добрынюшку Микити́ця.»
Вышел же Иванушка Дубровин боротися.
180. Они выставились все на высок балахо́н да смотря́т.
Пока по целовеку приходили, — бросит он,
А то по́ два, по́ три — хватит и бросит.
Руку в руку да вместе столкнет — да плюха станет.
- «Ай же братья крестовыи,
185. Вы пойдите—ка на вы́роцьку, —
Не бывать нам в городе Киеви,
Не видать нам матушку землю русскую, —
Убьют нас поганыи тата́рева.»
Добрынюшка скоил с балхо́на да на ши́рок двор,
190. Хватил он ось да он железную,
А Иванушко Дубровин хватил столóб,
К которому оны добрых коней вязали,
Да стал им помахивать.
Видит Ботия́н да Ботия́нович:

195. — «Ай же Василий да Казимéрович,
Уйми — ко своих крестовых братьцев.
Пускай же оны оставят поганных на сýмена.
Я буду, — говорит, — платить вам дани — пошлины
Во стольный Киев — град да за двенадцать лет с половиною.»
200. Он унял своих братьцев крестовых.
Сам Ботия́н Ботия́нович к столику — да расписался,
Отсчúтал им дани — пошлины за двенадцать лет с половиною.
Тут Василий Казíмеров поехал во Еросóлим — град,
А Иванушка Дубровин поехал во Царь — то град,
205. А молодой Добрынюшка Микитинецъ
Отправился ён да с данью — пошлины.
Обжился ён да у синя́ моря.
Живёт — то ён да во чистóм полú
Живёт — то ён да забавляется,
210. Играет во доски шахматныи,
Во тьи тавлеи́ золоцёныи.
За́чал тут Олешка подхаживать,
За́чал Настасью подговаривать:
— «Ай же мо́лода Настасьюшка Микулисьна,
215. Был я сегодни за синíм морём,
За синíм морём да во цистóм полú,
Видел — Добрынюшка убит лежит:
Резвы ноженьки да край дороженьки,
Буйны головы́ да во кувы́ль — траву.»
220. — «Ай же молодой Олешенька да сын Поповиць — то,
Исполнила я заповедь да мужьскую,
Положу я заповедь да женьскую.
Еще положу я да ровно на шесть годов.»
День — от óт дня, как река бежит,
225. А нóчи, нóчи, как ручья́ бегут, —
Не видать Добрынюшку из чистá поля.
За́чал Олешенька подхаживать,
За́чал Настасью подговаривать:
— «Ай же мо́лода Настасья да Микулисьна,
230. Был я сегодня за синíм морём,
За синíм морём да во цистóм полú,
Видел — Добрынюшка убит лежит:
Резвы ноженьки середь дороженьки,
Буйна гóлова во кувы́ль — траву́.
235. Ай же мо́лода Настасьюшка Микулисьна,

- Буде в цесь идешь, да я в цесь возьму,
А не в цесь идешь, да я не в цесь возьму!»
В пятницу было у них свѣтосьво,
В субботу было рукобѣтицѣ,
240. А сегодня да пировѣницѣ.
Вдруг же прилетает чорѣн ворѣн,
Жѹпит он да видѣ по птицѣму,
Говорит по человѣцѣму:
— «Молодой Добрынюшка Микитинецъ,
245. Над собой ты невзгодушки не ведаешь,
Твоя да Настасья да Микулисна
Выходит она во замужесьво
За того за братьця за крестового,
За того за Олешеньку Поповиця.
250. В пятницу у них было свѣтосьво,
В субботу было да рукобѣтицѣ,
А сегодни пировѣницѣ.»
Скакал тут Добрыня на резвы ногѣ,
Бросал дощецку да об полы кирпичныи,
255. Разлетелась доска да в мелки дрѣбезги.
Выходит он да тут на улицу,
Закричал он во всю голову,
Бежит к нему Бурушка косматенький.
— «Ай же ты, мой добрый конь,
260. Сюды мы ведѣ ехали трѣ годѹ
А отсюда вези меня трѣ часу.»
Обседдал он своего да добра коня,
Обседдал он своего Бурушку косматенького.
А сѣдился он да на добра коня,
265. Так поехал Добрынюшка Микитинецъ,
Реки, озера промеж ног пуцал,
Широки раздолья перебегивал,
А синѣ моря да перескакивал.
Приезжает он да во Киев — град,
270. Наежжает он да на широкой двор,
Вяжет он коня ко столбицку да ко тоцѣному,
Ко тому колецку золоцѣному.
Заходит во гридню во столовую,
Кресты кладет по писаному,
275. Поклоны ведет по уцѣному,

- На все на четыре стороны да поклоняется:
— «Здравстуй—ко, честна вдова Офимья Олѣксандровна,
Родитель моя матушка.»
— «Ай же ты, моя удалина,
280. Молодая да скоморошина!
Как бы был Добрынюшка Микитинець,
Не дошло бы тоби да насмехатиси
Над моей над долею сиротьскою!»
А сама слезно расплакалась.
285. Он скорым—скоро да поворот держал.
Выходил Добрыня на широкий двор,
Бьет коня он по крутым ребрам.
- «Ай же ты, мой добрый конь,
Ездили мы во далечо, далёко, во чисто поле, —
290. Не видли мы хлебушка сладкого.
Домой приехали, да не слыхали словечка гладкого.»
Старушка сдогадалась,
Взглянула в окошечко косищато:
— «Ай же ты, удалая удалина,
295. Есть у моего сына, Добрынюшки Микитиця,
Есть на голове родимое да пятницько.»
Снял шляпу пуховую,
Отвернул вологовья, —
Увидала так родна матушка,
300. Побежала стрицять.
А она ведь стрету бежит.
Тут оны да поздоровались.
— «Ай же родитель моя матушка,
Где моя да молодá жена?
305. Молодá жена, да любимá семья,
Молодá Настасья Микулисна?»
— «Твоя да молодá жена
Пошла да во заму́жесьво.
Сейцяс шли да с завеньцев, —
310. Выходит за Олѣшку Поповиця.»
— «Беги—ка, матушка, во глубок погреб,
Бери—ка платиця скоморошие,
Бери—ко гусельшки яровцятые,
Бери клюху—шальгу да подорожную».
315. Шапоцьку—мурманку да во сорок пуд.»

- Скочила старуха на глубок погреб,
А брала она платье скоморошее,
Брала она гусельшки яровчатые,
Брала она клюху, шальгу подорожную,
320. Клюху — шальгу во сорок пуд.
Брала она шапочку мурманскую.
Идет да все в левой да в одной руки несёт.
Брал он да платья скоморошие,
Одевал он платья скоморошее,
325. Брал он гусельшки яровчатые,
Брал он клюху — шальгу подорожную,
Клюху — шальгу во сорок пуд.
Полагал он шапочку — мурманку, —
Спереди не видать ясных оцей,
330. А сзади не видать белой шеи.
Гусельки брал да во леву руку,
А клюху — шальгу да во праву руку,
А пошел он да на почестной пир.
Приходит он на почестен пир,
335. Да кресты кладет по писаному,
А поклон ведет по ученому:
— «Ай же солнышко Владимир — князь да стольнё — киевской,
Пригласи — ка ты меня да на почестён пир
Веселить, играть да ваш почестён пир.»
- 214
340. — «Есть и без вас гусельщики,
Есть и без вас игральщики,
Все места без вас заняты.»
Он Олешке целом не бьет.
— «Дай же мистецька хоть на запечки,
345. Хоть запечки на муравленной.»
А вскоцил он на запечёк,
Стал он затирать да гусельщиков,
Стал он затирать да игральщиков.
Играет, — голосом ведёт он Царя — града,
350. Да напевок играют от Ёросолима,
Все прохождение Добрынюшкино.
Олешенька узнат по игре,
Отверну(л)ся от молодухи.
Говорит ему да солнышко Владимир — князь:
355. — «Ай же удала — удалина, молодá скоморошина.

- Садись во пиру, где место по разуму,
Где любо — туды садись.
Хоть подлѣ князя,
Хоть супротѣв князя.
360. Хоть подлѣ кнегины Опраксии,
А хоть насупротѣв княгины Опраксии.»
Он сажился супротѣв молодой Настасьи Микулисьной
Насупротѣву сел Настасьи Микулисьной,
А не подлѣ князя
365. Да не супротѣв князя,
Не подлѣ княгины Опраксии,
Сажился он супротѣв Настасьи Микулисьной,
Насупротѣву сел Настасьи Микулисьной.
Нáлили ему цяру зеленá вина,
370. А мерой цяра полтора ведра,
А весом цяра полтора пудá,
А брал он цяру да единой рукой,
А выпивал он цяру да на единой сдох.
Наливали втору цярку поцѣстную:
375. — «А хоть сам пей, хоть давай кому по разуму.»
Подносил он молодой Настасьи Микулисьной.
Говорит он да таково слово:
— «Цяру пьешь до дна, — дак увидишь добра,
А не пьешь до дна, — не видáшь добра.»
380. И спустил туда свой злацѣн перстѣнь,
С которым они с Настасьей обручались.
Брала она цяру ядиной рукой,
Да выпивала цяру на единой вздох.
Увидала она свой злацѣн перстѣнь,
385. Которым перстнѣм с Добрыней обручались.
А говорит она да таково слово:
— «Ай же солнышко Владимир—стольно—киевьской,
Не тот мой муж, кой подлѣ меня,
А тот мой муж, который супротѣв меня,
390. Мóлодый Добрынюшка Микитинец.
Ай же мóлодый Добрынюшка Микитинец,
- Прости меня да во большой вины́, —
У бабы волос долог, да ум кóроток,
Пошла от жѣва мужа в замужесьво.»
395. — «Не дивую я разуму—то женьскому,

- А дивую я мўжьскому.»
Взял он Олешку да за желты́ кудры́,
За́чал он Олешеньку пова́живать,
За́чал он Олешеньку оха́живать,
400. А Олешенька за́чал только
С той да досады да Олешенька Поповиць тот,
А Олешенька Поповиць бежал да во цистó полё,
Поставил он нож да во сыру землю́
Да востры́м концом, пал на ножик—от,
405. Да тут ёму́ и славы́ поют.